

СТАТЬИ

*Игнатченко И.В.**

Причины поражения властей в революциях 1830 и 1848 гг.

Аннотация: В статье рассматриваются действия официальных властей в ходе революций 1830 и 1848 годов во Франции и выясняются причины их поражения. Имея в своем распоряжении большое количество войск, регулярной армии и королевской гвардии, власть, тем не менее, проиграла конфликт с толпой. В статье выявляется набор факторов, повлиявших на такой исход конфликта.

Ключевые слова: Июльская революция 1830 года, Февральская революция 1848 года, Карл X, Луи-Филипп, Франция, XIX век

УДК 94(44)062; 94(44)062

Abstract: The article examines the actions of the official authorities during the revolutions of 1830 and 1848 in France and the reasons for their defeat. Having at its disposal a large number of troops, the regular army and the Royal guard, the government, however, lost the conflict with the crowd. The article identifies a set of factors that influenced this outcome of the conflict.

Key words: July revolution of 1830, February revolution of 1848, Charles X, Louis Philippe, France, XIX century

Великая французская революция конца XVIII века, как известно, открыла «век революций» (термин британского историка Э. Хобсбаума) – так целая череда революций, бунтов и беспорядков прокатилась по Франции, и, прежде всего, по Парижу в XIX в. Это и Июльская революция 1830 года, и Февральская революция 1848 года, и сентябрьская революция 1870 года, окончательно обрушившая режим Второй империи, и знаменитая Парижская коммуна 1871 года. Все это, не считая многочисленных бунтов, беспорядков и волнений, которые прокатывались по Франции с завидной регулярностью. Таким образом, в XIX в. почти все политические режимы печально и бесславно завершились революционной вспышкой. В более спокойном на революции XX веке выступления в мае 1968 года также чаще всего воспринимаются как революционные, несмотря на то, что революция «красного мая» в Париже формально не победила.

* *Игнатченко Игорь Владиславович* – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (e-mail: ignatchenko_igor@mail.ru)

Феномен революций XIX века во Франции, хотя и находится в тени Великой французской революции, уже долгое время привлекает внимание исследователей, как отечественных, так и зарубежных¹. Вместе с тем, когда мы говорим о революциях 1830 и 1848 годов, мы имеем мало представлений о том, почему власти, имея в своем распоряжении войска и ресурс легитимного насилия, все же проиграли оппозиции в 1830 и 1848 годах.

Известно, что сигналом к началу революции 1830 года послужило издание королевских ордонансов, существенно ужимавших свободу прессы. На примере революции 1830 года хорошо видно, что власть не просчитала возможные последствия, не придавала значения вероятному недовольству горожан, не предприняла никаких подготовительных работ к подавлению беспорядков.

Известно, что король Карл X 26 июля, то есть, в день публикации ордонансов в официальной газете «Монитор», пребывал в безмятежном состоянии, а потому преспокойно отправился на охоту и был вне зоны доступа для своих приближенных почти до одиннадцати часов вечера. Когда же августейший правитель Франции узнал, что жители Парижа сильно возбуждены, а биржа оказалась на грани краха, Карл X не проявил ни малейшей обеспокоенности².

Вместе с тем, 27 июля 1830 г. потерявшие работу ввиду закрытия оппозиционных газет работники типографий взяли на себя бремя лидерства в деле организации беспорядков. Этим наемным рабочим было нечего терять, и, кроме того, они были известны своими радикальными взглядами. Власть нисколько не обратила внимание на то, что ее действия обрекают определенную социопрофессиональную прослойку почти на голодную смерть; власть также проигнорировала угрозы, исходящие ей от этих людей.

В ставке командования в Сен-Клу 27 июля после беззаботного посещения мессы, и после пролитой первой крови в Париже в результате беспорядков, король Карл X по-прежнему продолжал рассматривать волнения в Париже как событие малой значимости. Король сказал маршалу Мармону: «Существует некоторое беспокойство по поводу поддержания порядка в Париже. Поезжай туда, прими командование на себя... Если все будет в порядке, к вечеру сможешь вернуться в Сен-Клу»³.

В то же время сам выбор главнокомандующего на роль умиротворителя Парижа был, по меньшей мере, странным и противоречивым. В общественном мнении маршал Мармон, герцог Рагузы, был предателем. Дослужившись до звания маршала при императоре Наполеоне I в 1809 году, он вместе с маршалом Э. Мортье в 1814 году сдал Париж врагу, подписав договор о сдаче с участниками

¹ Игнатченко И.В. Карл X и Июльская революция 1830 года: хроника событий // Новая и новейшая история. 2017. №1. С. 14-24; Bertier de Sauvigny G. La Révolution de 1830 en France. P., 1970; Bory J.-L. 29 juillet 1830. La révolution de juillet. P., 1972; Pilbeam P.M. The 1830 Revolution in France. London: Macmillan, 1991; Pinkney D.H. The French revolution of 1830. Princeton, 1972; Rapport, M. 1848: Year of Revolution. New-York, Basic Books, 2008; Robertson, P.S. Revolutions of 1848: A Social History. Princeton: Princeton University Press, 1952.

² Marmont A.-F. Mémoires du maréchal Marmont. P., 1857. Vol. 8. P. 238.

³ Marmont A.-F. Mémoires... Vol. 8. P. 238.

антинаполеоновской коалиции; войска, которыми ему было поручено командовать, он увел в Нормандию. Как следствие оставшемуся без необходимой поддержки Наполеону I пришлось подписать акт об отречении. Ветераны наполеоновских войн, которых было немало и в армии, и на гражданке, пользовавшиеся авторитетом в обществе, считали его предателем и изменником, и не без оснований: маршал Мармон довольно быстро переметнулся к династии Бурбонов, поменял хозяина, и в благодарность был возведен новой властью в пэры.

Власти, очевидно, заранее не предусмотрели фактор дезертирства как один из существенных. Далеко не все военнотружущие готовы были стрелять по своим согражданам, особенно в тех случаях, когда сами являлись уроженцами этих городов. Длительные и бездейственные простои военных полков, соприкасавшихся с передовой линией, отделяющей восставших от военных, приводили к массовым случаям дезертирства даже из элитных частей⁴.

Важным фактором, сыгравшим в пользу восставших, было то обстоятельство, что в их рядах оказалось много ветеранов наполеоновских войн, недовольных своим положением и обиженных на новую власть⁵. Кроме того, Париж был тесно застроен, узкие улочки были отличной западней для военных, которых обстреливали из окружавших улиц домов.

Еще одна существенная причина неудачи военных и политических властей режима Реставрации состояла в том, что маршал Мармон, командовавший операцией по подавлению беспорядков в Париже, изначально не располагал достаточными людскими ресурсами для выполнения поставленной перед ним задачи. Сложившаяся ситуация, а также недооценка противника не позволяла ему вести наступательные операции. Власть оказалась не готова к размаху стихийных выступлений парижан, степени общего недовольства властями, и заранее не стянуло дополнительные полки из провинций. Пришлось в ходе самой революции вызывать подкрепления из провинций, ждать эти подкрепления, а значит бездействовать, тогда как рядовые солдаты, как, впрочем, и их командиры, не понимали, что им следует делать в такой неординарной ситуации.

Другие факторы также вели к поражению. Возникла катастрофическая ситуация с продовольствием – не было запасов еды и питья, и не имелось средств доставки запасов продовольствия в войска. Более того, походная кухня, а именно переносные кастрюли для приготовления пищи были отменены ввиду экономии средств и потому были заменены на чаны в бараках, которые невозможно было переносить куда-либо. Это означало, что солдаты не могли подкрепиться горячим супом на марше. Таким образом, за весь этот насыщенный день солдаты успели только с утра позавтракать в бараках перед маршем. Это обстоятельство никак не поднимало их боевой дух⁶.

⁴ Ibid. P. 239.

⁵ Pinkney D.H. The French revolution of 1830. Princeton, 1972. P. 271.

⁶ Marmont A.-F. Mémoires... Vol. 8. P. 285.

Обнаружилась и переоценка собственных сил и возможностей маршалом Мармоном и его ближайшим окружением. 29 июля Мармон сообщил министрам Карла X: «Можете заверить короля, чтобы ни случилось, без необходимости в дополнительных подкреплениях, даже если все население Парижа с оружием в руках восстанет против меня, я смогу продержаться тут две недели. Да, эта позиция неуязвима, и я могу защищать ее против всего Парижа две недели»⁷. История показала, что он не продержался и день.

Негативную роль в поражении военных, лояльных режиму Реставрации, сыграли страхи, основанные на исторических параллелях и историческом опыте. Это касалось в первую очередь швейцарской гвардии, служившей Бурбонам во время разразившейся революции 1789 г. и продолжавших свою службу в 1830 г.

В ходе революции 1789 года швейцарские гвардейцы защищали Людовика XVI и его семью. 10 августа 1792 года, обороняя Лувр и Тюильри от восставших, испуганные швейцарские гвардейцы по ошибке открыли огонь по толпе, и после этого они были растерзаны парижанами. Гвардейцев убивали, где только было возможно⁸.

Спустя почти сорок лет, в июле 1830 года, швейцарские гвардейцы обороняли примерно те же самые рубежи, что и во время революции конца XVIII века. Поскольку в швейцарской гвардии служба передавалась по наследству – от отца к сыну, то мрачные воспоминания о первой Французской революции были живы в последующих поколениях швейцарских гвардейцев. Родители многих швейцарцев, оборонявших Бурбонов в 1830 году, защищали эту же французскую королевскую династию в конце XVIII века. Известно, что у командира швейцарской гвардии в 1830 году полковника И. де Сали, имелось два родственника, сражавшихся 10 августа 1792 года, и в живых из них остался только один; полковник Ж.-Р. Майардо потерял в тот злосчастный день 1792 года и брата, и отца. Многие швейцарцы проводили исторические параллели, и испытывали панический страх при мысли, что в июльские дни они могут снова стать жертвами обезумевшей парижской толпы⁹. Так, дядя полковника Ж.-В. де Бесенваля генерал П.-В. де Бесенваль командовал парижским гарнизоном 14 июля 1789 года. После взятия Бастилии дядю чуть не линчевали на месте, впоследствии он провел шесть месяцев в заточении, прежде чем его выпустили на свободу. Племянник, безусловно, боялся повторения участи своего близкого родственника¹⁰.

Когда днем 29 июля стало понятно, что с военной точки зрения конфликт был проигран окружением Карла X, король не торопился идти на уступки, проявляя завидную твердолобость.

⁷ Guernon-Ranville comte de M. *Journal d'un ministre*. Caen, 1873. P. 179.

⁸ Allen R. *Threshold of Terror: The last hours of the monarchy in the French Revolution*. Stroud, 1999. P. 101-124.

⁹ Maag A. *Geschichte der Schweizertruppen in französischen Diensten während der Restauration und Julirevolution (1816-1830)*. Biel, 1899. P. 87.; Marmont A.-F. *Mémoires...* Vol. 8. P. 262.

¹⁰ Marmont A.-F. *Mémoires...* Vol. 8. P. 308.

Назначив в качестве премьер-министра вместо оскандалившегося реакционера Жюля де Полиньяка герцога Казимира Мортемара, бывшего послом в Петербурге, король Карл X отказался предоставлять Мортемару минимум предварительных уступок для переговоров: предоставление чрезвычайных полномочий, письменное подтверждение отзыва четырех ордонансов, отставку министерства Полиньяка, возрождение Национальной гвардии, предложение должностей министров лидерам парламентской оппозиции К. Перье и Э. Жерару. Король неохотно согласился только в семь часов утра 30 июля. Мортемар срочно отправился в столицу, однако драгоценное время было упущено.

Оценивая итоги Июльской революции 1830 года, удивительным представляется то обстоятельство, что, принимая чрезвычайные политические ордонансы и идя, таким образом, на открытый конфликт с обществом, власть во Франции не позаботилась должным образом о военной составляющей, и не обезопасила себя от вполне прогнозируемых беспорядков. Известно, что накануне революции 1830 года маршал Мармон располагал примерно семнадцатью тысячами солдат всех родов войск. Из них тринадцать тысяч семьсот человек были пехотинцами, две тысячи двести – кавалеристами и тысяча сто – артиллеристами. Из семнадцати тысяч солдат половина относилась к королевским гвардейцам, а другая к швейцарским гвардейцам¹¹. Подобная численность войск позволяла бороться с незначительными бунтами, но никак не с массовым выступлением парижан.

Карл X и правительство Ж. Полиньяка оказались абсолютно беспечными, они по непонятным причинам вообще исключили всякую возможность восстания. Между тем, всего за пару месяцев до опубликования одиозных ордонансов король Карл X направил сорок тысяч солдат на завоевание Алжира, забыв, что надежные части могут понадобиться в беспокойной столице. Такое решение представляется труднообъяснимым, особенно если учесть тот факт, что политический кризис во Франции начал разгораться уже в августе 1829 года после назначения на должность премьер-министра одиозного деятеля и оголтелого реакционера Жюля де Полиньяка.

Кроме того, столь необходимые подкрепления так и не подошли к Парижу в ходе самой революции, в войсках наблюдались хаос и шатания, командиры не знали, что им делать. В момент революции 1830 года все четверо генерал-лейтенантов королевской гвардии отсутствовали, большинство старших офицеров отправились в свои избирательные округа для участия в выборах перед самым началом восстания, а генерал Луи Франсуа Кутар, которому было поручено командовать столичным гарнизоном, лечился вдали от места постоянной службы. Маршал Мармон впоследствии утверждал, что половина его старших офицеров отсутствовала в то время, когда разразилась роковая революция¹².

¹¹ Игнатченко И.В. Карл X и Июльская революция 1830 года: хроника событий // Новая и новейшая история. 2017. №1. С. 14-24.

¹² Marmont A.-F. Mémoires... Vol. 8. P. 287.

Невозможно объяснить причины чрезмерной самоуверенности Карла X и его премьер-министра. Быть может, они оба посчитали, что любое волнение в столице можно с легкостью подавить с помощью регулярной армии – определенный оптимизм могло внушить им подавление локальных беспорядков на улице Сен-Дени в 1827 году, разразившихся после парламентских выборов того же года – тогда власти справились с ситуацией, и после этого случая новых беспорядков не возникало. Вероятно, власть впала в эйфорию, посчитав, что с той поры может утвердить порядок с помощью армии везде и всюду.

Печальную роль для династии Бурбонов сыграли высокопоставленные чиновники, убеждавшие власти в том, что держат ситуацию под своим полным контролем. Так, префект полиции Жан-Анри Манжэн также горячо убеждал короля и его окружение, что в Париже ничего серьезного произойти не может, и что он держит ситуацию под полным контролем. Когда министр народного просвещения граф М. де Гэрнон-Ранвилль, серьезно обеспокоенный пагубным влиянием опубликования ордонансов на общественные настроения, задал вопрос префекту относительно ситуации в Париже 25 июля 1830 года, то есть накануне известных событий, чиновник выпалил: «Чтобы Вы ни сделали, Париж и не заметит. Действуйте смело и решительно, а за Париж я отвечаю, будьте уверены»¹³.

В конце концов, власть переоценила свои возможности по утверждению порядка в стране, не выучила исторические уроки революции конца XVIII века и не предусмотрела развитие ситуации по наихудшему сценарию. Таким образом, к власти во Франции в 1830 году пришел новый король Луи-Филипп Орлеанский, прозванный общественным мнением и не без оснований «королем баррикад»; династию Бурбонов на французском престоле сменили Орлеаны.

Однако уже через восемнадцать лет Луи-Филипп I потеряет корону в результате новой революции. Его действия в 1848 году продемонстрируют, что он не выучил уроков революции, в результате которой пришел к власти. Действия и ошибки властей в ходе революций 1830 и 1848 гг. оказались во многом схожи.

Так, например, личность главнокомандующего, которому в 1848 году было доверено подавлять выступление парижан, как и в 1830 году, не пользовалась авторитетом в обществе и потому не вселяла уверенности и оптимизма. Генерал Тома Робер Бюжо, которому Луи-Филипп доверил подавление февральского мятежа, был знаменит не столько своими успехами в Алжире (которые, несомненно, имелись), сколько жестоким и кровавым подавлением Парижского восстания в апреле 1834 года, и во многом был известен по эпизоду, связанным с «резней на улице Транснонэн». Тогда на печально знаменитой улице Транснонэн был ранен офицер. Солдаты ворвались в соседний дом, из которого, как предполагалось, могли стрелять, и поубивали всех, кто там был, включая стариков, женщин и детей. Ответственность за эти бесчинства публика возложила на командовавшего войсками Бюжо. Эти события были еще свежи в памяти парижан, и выбор королевским окружением Бюжо в качестве

¹³ Guernon-Ranville comte de M. Journal d'un ministre. P. 154.

репрессивной дубинки не был на самом деле осмотрительным и продуманным решением властей. «Бюжо только усилит раздражение» – сказал один из лидеров умеренной оппозиции Адольф Тьер в разговоре с французским королем¹⁴. Его соратник и политический единомышленник в 1840-е гг. Одилон Барро также выразил сомнения по поводу целесообразности назначения Бюжо: «Если мы ставим себе задачей успокоить народ, то не должны обременять себя самым непопулярным человеком в Париже»¹⁵. Вполне показательна реакция Бюжо на беспорядки в Париже 1848 года: «Я доставлю себе удовольствие перебить побольше этой сволочи; это что-нибудь да значит»¹⁶.

Другой проблемой была неподготовленность короны к отражению бунта парижской толпы – исторические параллели вполне просматривались с 1830 годом. По оценкам правительства в распоряжении главнокомандующего находилось примерно сорок тысяч человек, по другим подсчетам (например, А. Тьера), их было не более двадцати тысяч человек. Важнее другое: боевой дух и подготовка этих солдат вызвали опасения. Так, по воспоминаниям Бюжо, войска «были деморализованы, так как простояли в полном вооружении около шестидесяти часов в холодной грязи, не получая ничего, кроме трех рационов сухарей, и оставались пассивными наблюдателями того, как восставшие нападали на городскую полицию, рубили деревья, разбивали уличные фонари и поджигали караульные будки. У большинства солдат было не более десяти патронов... Лошади были измучены, им не давали овса, а люди больше двух суток не слезали с них»¹⁷.

Трагедией Июльской монархии, как когда-то режима Реставрации, стал отказ от любых реформ, демократизации общества, именно поэтому политика главного министра Луи-Филиппа Франсуа Гизо оказалась крайне непопулярной в обществе. Как писал французский историк Э. Лависс, «правительство не хотело пускать в дело войска; оно распорядилось созвать национальную гвардию. Но тогда выяснилось, что с 1840 года парижская буржуазия отвернулась от короля. Национальные гвардейцы собрались, но, за исключением первого легиона, отказались выступить против инсургентов и кричали “Да здравствует реформа!”. Некоторые кричали даже “Долой Гизо!” и мешали движению войск; другие направились к Бурбонскому дворцу, чтобы склонить депутатов потребовать реформы»¹⁸.

В кулуарных переговорах с королем лидеры парламентской оппозиции в феврале 1848 года продолжили требовать парламентскую реформу, то есть, расширения круга избирателей. Однако король Луи-Филипп, как восемнадцатью годами ранее Карл X, отказывался даже под грохот ружейных залпов идти на какие-нибудь уступки¹⁹. Так, например, требования одного из лидеров легальной оппозиции А. Тьера, сводились к увеличению избирательного корпуса на пятьдесят-сто тысяч новых избирателей

¹⁴ Лависс Э., Рамбо А. История XIX века. (1848-1870 гг.). Том 5. Часть 2. Москва: ОГИЗ, 1938. С. 10.

¹⁵ Там же. С. 11.

¹⁶ Там же. С. 10.

¹⁷ Там же. С. 11.

¹⁸ Там же. С. 9.

¹⁹ Там же. С. 10.

и роспуск действовавшей на тот момент палаты депутатов, поддерживавшей чрезмерно консервативный курс Ф. Гизо. Это была совсем небольшая уступка, которая могла удовлетворить часть умеренной оппозиции, в отличие от требований установить демократическую республику, звучавших в те дни на улицах Парижа, однако эти уступки показались чрезмерными для короля Луи-Филиппа, пришедшего к власти в 1830 году под лозунгами перемен и изменений.

Таким образом, отсутствие политической гибкости и дальновзоркости власти, ее неподготовленность к возможным волнениям, излишнее самодовольство и бахвальство привели к поражению властей в 1830 и 1848 гг.

Библиография:

- Игнатченко И.В. Карл X и Июльская революция 1830 года: хроника событий // Новая и новейшая история. 2017. №1.
- Лависс Э., Рамбо А. История XIX века. (1848-1870 гг.). Том 6. Часть 2. Москва: ОГИЗ, 1938.
- Allen R. Threshold of Terror: The last hours of the monarchy in the French Revolution. Sutton Publishing, 1999.
- Bertier de Sauvigny G. La Révolution de 1830 en France. Paris: Armand Colin, 1970.
- Bory J.-L. 29 juillet 1830. La révolution de juillet. Paris: Gallimard, 1972.
- Guernon-Ranville comte de M. Journal d'un ministre. Caen: F. le Blanc-Hardel, 1873.
- Maag A. Geschichte der Schweizertruppen in französischen Diensten während der Restauration und Julirevolution (1816-1830). Biel: Ernst Kuhn, 1899.
- Marmont A.-F. Mémoires du maréchal Marmont. Paris: Perrotin, 1857. Vol. 8.
- Pilbeam P.M. The 1830 Revolution in France. London: Macmillan, 1991.
- Pinkney D.H. The French revolution of 1830. Princeton: Princeton University Press, 1972.
- Rapport, M. 1848: Year of Revolution. New York, Basic Books, 2008.
- Robertson, P.S. Revolutions of 1848: A Social History. Princeton: Princeton University Press, 1952.

Bibliography:

- Allen R. Threshold of Terror: The last hours of the monarchy in the French Revolution. Sutton Publishing, 1999.
- Bertier de Sauvigny G. La Révolution de 1830 en France. Paris: Armand Colin, 1970.
- Bory J.-L. 29 juillet 1830. La révolution de juillet. Paris: Gallimard, 1972.
- Guernon-Ranville comte de M. Journal d'un ministre. Caen: F. le Blanc-Hardel, 1873.
- Ignatchenko I.V. Karl X i Iyul'skaya revolyuciya 1830 goda: hronika sobytij // Novaya i novejschaya istoriya. 2017. №1.
- Lavisse, E., Rambaud, A. (1938). Istoriia XIX veka (1848-1870). Tom 6. Chast'. Moskva: OGIZ, 1938.
- Maag A. Geschichte der Schweizertruppen in französischen Diensten während der Restauration und Julirevolution (1816-1830). Biel: Ernst Kuhn, 1899.
- Marmont A.-F. Mémoires du maréchal Marmont. Paris: Perrotin, 1857. Vol. 8.
- Pilbeam P.M. The 1830 Revolution in France. London: Macmillan, 1991.
- Pinkney D.H. The French revolution of 1830. Princeton: Princeton University Press, 1972.
- Rapport, M. 1848: Year of Revolution. New York, Basic Books, 2008.
- Robertson, P.S. Revolutions of 1848: A Social History. Princeton: Princeton University Press, 1952.